

УЛЬЯНА ГРИНЬ

ЯНТАРНАЯ КРОВЬ
КУРТИЗАНКИ

16+

Ульяна Гринь

Янтарная кровь куртизанки

«Автор»

2019

Гринь У.

Янтарная кровь куртизанки / У. Гринь — «Автор», 2019

О чем мечтает куртизанка? О танцах на балу и о собственном экипаже. Вместо этого в её налаженную жизнь врываются тайны, расследования, заговоры. Убийца идёт за ней по пятам, на пути постоянно встречается странный полицейский, много лет пугающий Вейру. И при чём тут незнакомец, который решил замёрзнуть у её порога в ледяной ночи?

© Гринь У., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Незнакомец, или Почему люди любят всё усложнять	5
Глава 2. Вен Ликс, или Как спрятать иголку в стоге сена	10
Глава 3. Вен Риули, или Зачем птичке думать?	16
Глава 4. Лира, или Разговор по душам	23
Глава 5. Мастер Виджан, или Порочная страсть съедает сердце	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Гринь

Янтарная кровь куртизанки

Глава 1. Незнакомец, или Почему люди любят всё усложнять

За окном протяжно выл буран. Не видно было ничего, даже старой яблони, что в ветреное время всегда приветливо стучалась ветвями в стекло. Только снег, снег, снег. Мириады снежинок, вихрем кружимых словно в залихватском танце, мода на который пришла в Тоннехед этой осенью.

Вейра отпила глоток медового вина из узкого бокала и стянула концы узорной шали на груди. Вернулась к камину, постояла немного в его удушающем жаре и присела в мягкое кресло чуть поодаль. Шаль – мягкая, добротная, какие не пристало носить даме из квартала Свитель, но такая уютная, что Вейра не могла отказать себе в тайном удовольствии – вобрала в себя тепло от огня и теперь начала греть подобно вестернским мехам. Всё ещё горячее медовое вино было в меру сладким и чуть терпким, вечер намечался тихим, спокойным, одиноким, и Вейра в который раз порадовалась за себя. Какое счастье, что домик вдовы Меррибет достался ей по дешёвке!

И счастье, что вен Риули обмолвился о возможной продаже в один из своих визитов. Тогда Вейра не мешкая собрала все имевшиеся у неё на руках деньги и отправилась к несчастной женщине, которая ещё была в трауре. Уговорить вдову продать дом оказалось проще простого – просто заплатила и пообещала дать достаточно времени, чтобы выехать. Тётушка Меррибет не стала тянуть, и уже через месяц Вейра въехала в своё новое жильё полноправной хозяйкой...

Поставив бокал на столик у кресла, она взяла с подноса недочитанное письмо. Крупными округлыми буквами Туана писала о своей жизни у вена Фенери, но эти куски Вейра просто пробежала глазами. Ничего интересного! А вот здесь уже нечто более интригующее. В последние выходные перед Великим Каремом вен Триболи устраивает костюмированный бал! Ну-ка, ну-ка... Приглашаются все желающие, но обязательно под масками? А вот и чудный повод посетить один из самых богатых домов Тоннехеда! Вен Триболи должен Вейре почти два империала, а ведь на такую сумму она может не только реставрировать кухню, но и купить новую печь вместо того убожества, что осталось от вдовы. Бея постоянно жалуется, что готовить невозможно, любимые блюда пригорают... Определённо, Вейра пойдёт на бал.

Она встала, возбуждённая от мысли танцевать неузнанной между венами и вильями, которые в обычное время смотрят на неё, как на лошадиную лепёшку. Улыбаться и томно опускать глазки, пока мужчины будут говорить комплименты... А они будут говорить комплименты, потому что Вейра знает, как привлечь внимание! Дружелюбно разговаривать с толстыми или преждевременно увядшими вильями она тоже умеет, жизнь научила. Вейра мечтательно закрыла глаза и крутанулась на носках домашних туфель, раскинула руки в стороны, сжимая концы шали, и весело пропела на мотив рыночной песенки:

– Крестьянка или горожанка! Вильянка или куртизанка!

Так! Моя маленькая Вейра, не надо забывать, что бал через два дня! А маски пока ещё нет. Надо придумать хитрый костюм: чтобы было нарядно, забавно и неузнаваемо. Можно поспорить на что угодно, что богатенькие вильи оденутся дружно в принцесс и заморских гадалок, среди них промелькнёт парочка колдуний и модных в последнее время крестьянок в чунях и огромных юбках с передником... Хотя чуни будут больше похожи на сапожки из магазина

мастера Шандо. Что же остаётся для Вейры? Может быть, заморская следопытка? Вен Фенери рассказывал, как бывал за океаном в стране, у которой нет названия, и видел этих женщин. Подумать только, они носят длинные панталоны, точно мужчины! И хотя над панталонами надевают длинную рубашку, которая могла бы сойти за юбку, это всё равно стыд и срам. Нет, дома Вейра могла бы так ходить, служанки бы смирились, но на бал... Исключено! Хотя идея отличная.

Взгляд Вейры упал на картину, подаренную несколько лет назад одним заезжим веном. На ней была изображена сцена охоты, но девушка на лошади сильно отличалась от охотниц-вильянок. Во-первых, она сидела в седле по-мужски, чем немало шокировала бедную Бео и тётушку Фридил, во-вторых, её платье было простым, без рюшечек и воланчиков, без валиков под поясом, без всяких нижних юбок, а в-третьих – было гораздо короче обычных платьев. Можно было рассмотреть не только лодыжки решительной наездницы, но и одно колено! Ужас, ужас, даже Вейра краснела при виде охотницы, правда, уже реже, чем раньше, но представить себя на балу с оголёнными коленями... Нет, лучше не надо! А вот длина чуть ниже середины лодыжки – как раз подойдёт! Не стоит слишком волновать тоннехедских венов. Но и маску она не снимет. Незачем им знать, что девушка из квартала Свитель танцевала рядом с почтенными горожанками и знатными вильями. Беды не оберёшься...

Решено! Вейра проглотила остатки вина из бокала и прошла к секретеру. Осмотрев гусиное перо, слегка подточила его крошечным ножиком с ручкой из клыка экзотической рыбы и достала лист тончайшей белёной бумаги, стопку которой купила недавно в лавке букиниста. Составляя слёзное послание девице Лейс, модистке, Вейра улыбалась в предвкушении отлично сшитого наряда. Девица Лейс выходила замуж в будущем месяце, не без помощи Вейры, которая шепнула за неё словечко одному из приятелей вена Риули, вполне состоятельному и очень одинокому господину. Тот отправился заказать десяток носовых платков с вензелями и, слово за слово, поболтав с модисткой, оказался весьма очарован этой скромной и трудолюбивой особой. Теперь девица Лейс не откажет Вейре, даже если весь Тоннехед завалит модистку заказами!

«Моя милая Лейс, не оставь меня без твоей помощи и поддержки в этот час! Ты одна сможешь сшить наряд, который я подробно описала в сим послании, ведь твой талант известен далеко за пределами нашего городка! Всегда твоя, Вейра Эбонер». Так заканчивалось написанное в порыве вдохновения письмо. Вейра посыпала чернила серым песком из истолчённых ракушек и подула, высушивая. Лёгкое облачко поднялось в воздух и осело на шторах. Надо велеть Бее постирать, совсем девчонка распустилась. Вейра в её возрасте... Ну да ладно.

Она подошла к круглой позолоченной клетке, в которой дремала молодая пегая сова со смешными ушками, и позвала тихонько:

– Пери! Просыпайся. Почта есть.

Жёлтые глаза медленно открылись, птица покрутила круглой головой, словно не могла сообразить, где она и кто, потом обречённо вздохнула и протянула лапку, на которой болталась цепочка. Вейра прицепила к ней кожаный мешочек с письмом внутри и предложила Пери руку, натянув предварительно толстую кожаную перчатку. Сова неохотно перебралась на запястье, косясь на хозяйку обиженным взглядом, словно злилась за позднее пробуждение. Вейра покачала головой:

– Совсем ты, матушка, обленилась! Давай-ка, потрудишься немного.

И с этими словами, приоткрыв окно, выпустила Пери наружу. Сова расправила огромные крылья и, с силой махнув ими, скрылась в сизой пелене вьюги. Вихрик снежинок ворвался в комнату, обдав Вейру морозной свежестью, но, как только рама захлопнулась, сник и осел на пол. Пожалуй, к платью охотницы стоит надеть палантин из цельных шкурок песка. Завтра скажет Бее, пусть как следует вычистит мех и проветрит...

Вейра закуталась в шаль и с сомнением посмотрела на кувшинчик с вином, стоявший на камнях у очага. Ещё один бокал, и спать. В обед придёт вен Риули, его еженедельные визиты коротки, но насыщены, поэтому сегодня надо выпасться. Наливая тёплое вино в бокал, Вейра зевнула, но неожиданная возня у задней двери заставила её настороженно замереть. Рука уже потянулась к кинжалу, спрятанному на подвязке чулка, но потом Вейра вспомнила, что выпустила Мил погулять, и выдохнула, расслабляясь. Бесовская тварь! Иногда закрадывалась мысль, что Творец создал её исключительно для издевательства над хозяйкой...

Возня не прекращалась и, по-видимому, была по ту сторону двери. Что случилось с Мил, что она не может войти нормально? Бея отпущена к матери на целый день, матушка Фридиль спит в своей каморке беспробудным сном – хоть гром, хоть молния, хоть война с пушками, добрая женщина не проснётся! Придётся самой идти смотреть, что происходит.

Вейра быстро пересекла салон, вышла в коридор и увидела серый крапчатый мех толстого зада в лазе, прикрытом выделанной кожей телёнка.

– Мил? Ты что делаешь? – обеспокоенно позвала она. – Мил!

Зад скрылся на улице, а через несколько секунд в лаз проскользнула большая кошка с кудрым хвостом и кисточками на ушах. Она глянула на хозяйку синими миндалевидными глазами и, повернувшись к двери, поскребла её подушечкой толстой лапы. Снова оглянулась на Вейру, словно злясь на её непонятливость, вылезла наружу. Возня возобновилась.

– О, Мать-Ведунья! – с досадой вздохнула Вейра, поворачивая ключ в замке. – Что ты такое притащила?

Но, отворив дверь в морозную пургу, она ахнула и всплеснула руками. На обледенелом пороге лежал человек. Совсем синий, совсем мёртвый, как любила говаривать Лира, рассказывая в сотый раз историю своего удушенного убийцей дядюшки... Мил ухватила труп за руку своими длинными клыками и деловито потащила в коридор, пользуясь тем, что дверь была открыта. Ясно, почему она возилась! Лаз заговорен на животных, человеку туда не пролезть. Вейра замахала руками на рысь:

– Куда! Зачем ты его сюда? Оставь! Оставь, кому сказала!

Мил фыркнула, не прекращая тащить. Вот упрямая кошка! Вейра склонилась над трупом, силясь разглядеть заиндевелое лицо, и вдруг замерла. Облачко пара, совсем крохотное, лёгкое и почти незаметное, выпорхнуло из полукрытого рта и растаяло.

– Э, да он, оказывается, ещё живой! – удивлённо сказала рыси Вейра. – Где ты его нашла, Мил?

Синий глаз покосился на хозяйку, словно кошка с иронией спросила, не показать ли, но Вейра уже думала о другом. Захлопнув дверь, она повернула ключ на два оборота – для верности – и присела над человеком, принялась тормошить. Глаза его были закрыты, на чёрных ресницах медленно таял иней. Кожа, холодная и задубевшая на морозе, наощупь ничем не отличалась от лёгкой одежды незнакомца. Из каких заморских стран приехал этот чудик, чтобы замёрзнуть на окраине Тоннехеда в лёгкой сорочке и срамных рейтузах? Быть может, его ограбили и бросили умирать на снегу?

Потом, маленькая Вейра, всё потом! И дознавателя позвать, и с девочками поделиться, вдруг что знают, а пока надо отогреть и оживить этот не-труп! Она распахнула дверь в салон, ухватила незнакомца за ледяные руки и потащила по полу к очагу. Мил шагала рядом, недовольно мяукая, и всё порывалась отобрать добычу. Шикнув на рысь пару раз, Вейра не выдержала и огрела упрямыцу туфлей. Мил обиделась и отстала, вскочила на диванчик, обитый дорогой мервильской дамаской, но сил не было, чтобы согнать кошку, поэтому Вейра только фыркнула в её сторону. Завтра накажет. Сейчас важнее ледяной мужчина.

Перво-наперво надо снять замороженную одежду. Какие всё-таки странные рейтузы, не местного покроя! Вейра вытащила кинжал и несколькими ловкими движениями располосовала их, стараясь не задеть кожу. Та же участь постигла и сорочку с узкими рукавами и почти

незаметными манжетами. Кожа человека была бледной до синевы, особенно там, где её не прикрывала одежда. Вейра быстро освободила мужчину ото всех вещей и закутала в свою шаль, которая жадно вбирала в себя жар очага и отдавала замёрзшему. Устроив незнакомца на старой, побитой молью медвежьей шкуре, Вейра с усилием подтащила её поближе к камину, потом позвала:

– Мил! Иди сюда.

Рысь не шелохнулась, прищутив на хозяйку красивые глаза. Вейра нахмурилась и топнула ногой:

– Бездушное создание! Ты притащила его сюда – изволь помочь мне! Сейчас же ложись рядом и грей этого несчастного!

Потом тоже сузила глаза и добавила мстительно:

– Иначе не видать тебе куропаток и зайчатинки в ближайшие пять лет!

Мил шумно вздохнула, дёргая ушами, потом неохотно соскочила с дивана и процокала коготками по паркету салона. Обнюхав стопы мужчины, торчавшие из шали, покрутилась вокруг них и с размаху плюхнулась на ноги, скрывая своим бархатным мехом сразу половину тела.

– Так-то! – с удовлетворением кивнула Вейра. – Сейчас согрею воды. Будем надеяться, что он не умрёт.

Латунный чайничек, начищенный Беей до блеска перед уходом и наполненный водой, стоял на приступочке возле очага. Подвесив его низко над огнём, Вейра пошла искать старое тряпье, которое экономка хранила в каморке под лестницей. Для чего оно было женщине, никто не знал, но священные запасы протёршихся от стирки простыней и отбеленных в мыльном кипятке древних кухонных полотенец не трогали. Вот и найдётся им применение! Вейра помнила, как тётушка согревала замёрзшего на охоте кузена, но не думала, что это воспоминание когда-либо пригодится. В каморке она наткнулась на бутылку хлебного вина и ужасно обрадовалась этой находке. И растереть руки-ноги можно, и внутрь влить! Вейра поспешила обратно в салон и увидела весьма милую картинку: рысь растянулась почти по всему телу мужчины, головой к лицу, и урчала, вылизывая его щёки.

– Ишь ты, – проворчала Вейра, проверив, нагрелся ли чайник. – Целительница...

Из-за спины послышался короткий, полный боли стон. Вейра обернулась и встретилась взглядом с мужчиной. Правда, его голубые, почти прозрачные глаза смотрели совсем бессмысленно, но он начал дрожать. Дрожь – это хорошо! Значит, согревается, значит, будет жить. А ей, Вейре, не придётся выслушивать неприятные вопросы мастера дознавателя королевской полиции.

Впрочем, пока погоди радоваться, маленькая Вейра. Мужчина не местный, вопросы всё равно будут... В чайничке зашумела вода, отвлекая её от разглядывания незнакомца. Вейра свернула первую тряпку из стопки жгутиком и подхватила горячую ручку, снимая чайник с крючка. Кипяток ей не нужен, а то обварится голубоглазый.

Разодрав старый простынь на несколько частей, Вейра намочила их по очереди в чайнике и принялась раскладывать по телу мужчины – под мышки, под колени и в пах. Так делала тётушка, а она была знахаркой, как и бабка с прабабкой. Говорила – там особые точки, чтоб тепло кровь разогнало. Мужчина сопротивлялся, как мог, но Вейра быстро справилась с ним, не без помощи ворчащей Мил. Та просто-напросто прижала его к шкуре, не давая пошевелиться.

– Вот и славно, мой хороший вен, – приговаривала Вейра, – сейчас вам станет лучше, теплее, что же вы противитесь? Надо вас ещё закутать во что-нибудь. Вы меня ещё поблагодарите, что я вас спасла! А может, и монеток звонких отсыплете за это...

Мил только фыркнула, но Вейре было не до мнения капризной рыси. Что такое несколько десятков гаульденов по сравнению с жизнью? Неужто заезжий вен зажмёт наград? Ведь холё-

ный с виду, ухоженный, не из бедных. Вейра видела мужчин насквозь. Этот – явно птица высокого полёту, не простой мастер или торговец. Возможно, даже ко двору приближен, а это... Это даёт право на надежду.

Снова закутав мужчину в шаль, Вейра подумала с минуту и принесла из кухни охотничий кожух. Он принадлежал почившему отцу Беи, который всю жизнь провёл в лесах, в любую погоду бил ласку и кабана, и лося. Подбивка кожуха была из волчьих шкур, теплее этой одёжки ничего не свете нет. Медведь снизу, волк сверху, ещё и рысь горячая рядом – помереть мужчина теперь просто не имеет права!

Плотно подоткнув края кожуха под потихоньку теплеющее тело, Вейра подбросила два небольших полена в очаг. Огонь будет гореть всю ночь. Последнее, что она могла сделать для спасения пальцев и лица мужчины – растереть их горячительным.

Хлебное вино в ладони грело само собой. Вейра, освободившаяся от верхнего платья, в одной нижней рубашке забралась под кожух с головой. Нашла руку мужчины, всё ещё ледяную, и принялась медленно, широкими кругами втирать жидкость в кисть и пальцы. Какая нежная у него кожа... Ни одной мозоли. Словно никогда его руки не держали ничего тяжелее гусиного пера! Но и от пера остаются следы. Знала Вейра одного писаря с нежными руками, но и у него были натёртыши на пальцах, порезы от перочинного ножа. А у незнакомца ничего, ничегошеньки... Уж не богатый ли он наследник, граф или герцог из знатного рода, которому ничего не надо делать, только веселиться и жить в своё удовольствие? При этой мысли Вейра удвоила старания. Изнеженные графья обычно слабы здоровьем бывают. Как же он оказался на улице в такую погоду совсем один и раздетый?

Закончив с растираниями, Вейра пощупала кожу незнакомца под шалью. Теплеет. Слава Творцу! По-хорошему, надо бы отправляться спать в свою комнату, но как оставить мужчину одного, без присмотра? Мил не в счёт, что возмёшь с глупой рыси... Тарахтит вон, аж дрожь по телу идёт. А да ладно. Не до приличий сейчас. «Да и какие могут быть приличия, – усмехнулась Вейра сама себе. – Я богиня непристойных ситуаций!» И с этой мыслью она устроилась поудобнее рядом с мужчиной, обнимая его за талию одной рукой. Так она точно проснётся, если ему станет хуже.

Покойной ночи, маленькая Вейра. Завтра будет другой день и другие хлопоты.

Глава 2. Вен Ликс, или Как спрятать иголку в стоге сена

Холод... Обжигаящий руки холод, леденящие поцелуи порывистого ветра, проникающие под тонкий плащ, боль... Больно идти, больно стоять, больно так, что хочется завывать, биться головой о камень стен, чтобы, наконец, уйти в Чистилище и не чувствовать жгущих укусов холода... Глаза ничего не видят, в ушах слышен лишь шум вьюги, да ещё скрип повозок, короткое жалобное ржание лошадей, звуки вечернего города... Мегалолия живёт своей жизнью, она даже не знает, что на одной из её улиц, на этой замеченной снегом окраине, умирает от холода человек...

Давно уже нет спазмов в животе. Голод отступил перед страхом остаться на обочине, под стеной дома, навсегда окаменевшим от мороза изваянием... А в голове стучит лишь одна мысль – идти, не останавливаясь, даже если очень хочется сесть и уснуть... Идти просто, чтобы двигаться, хотя уже не осталось никаких сил. И надеяться... Вдруг произойдёт чудо? Вдруг станет тепло? Вдруг найдётся в сугробе огрызок хлеба? Или нога наступит на монетку? Тогда кружащая невдалеке смерть отпрянет, уйдёт ни с чем, без добычи...

Но идут минуты, часы, а чуда всё нет и нет... Безысходность. Самое страшное чувство на свете. Пока не придёт безысходность, можно бороться. Потом – только сесть и умереть, по своей воле...

Она подскочила, как ужаленная, задыхаясь и держась за грудь. Сердце колотилось, словно хотело выскочить наружу, словно ему было тесно и страшно... Опять кошмар. Опять один и тот же кошмар! Когда же он закончится...

Вейра очнулась и поняла, что лежит в салоне на медвежьей шкуре, под кожухом Беинового отца рядом с незнакомым мужчиной. Дежа-вю... Ох, да это же трофей Мил! Вейра наощупь сжала его руку. Тёплая, вполне себе нормальная рука. Скользнула к горлу, накрыла его ладонью, ощутила ровное биение жилки под подбородком. Живой, сердце стучит, гонит кровь, дышит – аж целую баню надышал под кожухом! Ну и отлично. Как проснётся, надо расспросить его хорошенько и послать восточку семье, пусть забирают неженку.

Осторожно отодвинувшись от мужчины, Вейра принялась выбирать из-под кожуха. И услышала хриплый голос, говоривший явно какие-то слова, смысла которых она не поняла. Замерла. Это что, он уже не спит? Откинув полу кожуха, в свете занимающегося утра она увидела широко раскрытые глаза, в которых плескалось безграничное изумление. Красивые глаза, прямо скажем. Прозрачно-голубые, с тонкими серыми прожилками, разбегающимися от зрачка к краю радужки, окружённые опахалом густых чёрных ресниц. Вейра засмотрелась на лицо незнакомца, которое абсолютно не отвечало канонам красоты, но было, тем не менее, приятным и располагающим. Особенно хорош был нос – длинный, прямой, аккуратный, с широкими крыльями. И ямочка на подбородке рассказывала о сильном характере, о волевой натуре мужчины. Сколько ему может быть лет? Юный ещё, наверняка чуть старше Вейры...

Он схватил её за руку с поразительной для ещё недавно умиравшего прытью и снова что-то спросил. Вейра нахмурила брови:

– Я не понимаю вас, достопочтенный вен! На каком языке вы говорите?

Он досадливо дёрнул плечом, приподнимаясь на локте, и с интересом оглядел её. Вейра проследила за взглядом голубых глаз и вспомнила, что сидит перед незнакомцем в одной нижней рубашке без корсета и с бесстыдным вырезом. Щёки залило жаром. Несмотря ни на какие обстоятельства, для чужих она живёт, как приличная вильена. Вейра прикрыла декольте ладонью, махнув на мужчину другой рукой:

– Отвернитесь, вен, если у вас есть хоть капля чести!

Он явно не понял ни слова, но жест был слишком красноречив. Со странной усмешкой, так не походившей на раскаяние или смущение, незнакомец откинулся на медвежью шкуру, заслонившись рукой. Не теряя ни секунды, Вейра вскочила, подобрала с пола домашнее платье, в котором была вчера, и ловко влезла в него. Когда мужчина задал ещё один вопрос, по-видимому, можно ли ему уже смотреть, она уже застёгивала последние крючки воротника, поэтому ответила утвердительно. Он явно не понял, потому что осторожно выглянул из-за раздвинутых пальцев. Вейра засмеялась и присела рядом:

– Как ваше имя, вен? Меня зовут Вейра.

Он снова посмотрел на неё с прищуром, словно стараясь понять, но только покачал головой. А она опечалилась. Ну почему в разных королевствах разные языки? Как было бы просто, если бы все говорили одинаково! Попробуй теперь пойми незнакомца, а ведь она собиралась помочь ему вернуться в семью...

Приложив ладонь к груди, она улыбнулась и сказала:

– Вейра.

Он повторил за ней:

– Вейра! – и радостно кивнул. Указал на себя: – Ликсено.

Странное какое имя. У них мальчиков иногда называют «Ликс». Быть может, в другом королевстве принята полная форма этого имени? Для порядка она переспросила:

– Ликс?

– Ликсено, – упрямо мотнул головой незнакомец. Вейра пожала плечами:

– Хорошо, хорошо, не волнуйтесь, достопочтенный вен!

И добавила вполголоса:

– Творец, как же с вами разобраться-то... Просто головоломка какая-то!

Из коридора послышался шум, голос Беи, которая звала:

– Госпожа! Госпожа! Где же вы?

И тут же дверь со стуком отворилась, служанка – румяная с мороза, взерошенная и всполошенная – ворвалась в салон. Увидев Вейру на коленях перед мужчиной на прикаминной шкуре, Бея охнула, закрыла рот обеими руками и пятясь медленно выбралась в коридор. При этом она кланялась и мычала:

– Проститесь, достопочтенный вен! Проститесь! Проститесь, госпожа Вейра!

«Госпожа» только закатила глаза и тяжело вздохнула. Бее было всего четырнадцать, и она служила у Вейры всего полгода, поэтому легко пугалась посетителей. Тем более, в салоне на полу.

– С этим надо что-то делать, – пробормотала Вейра, мило улыбаясь Ликсу, который только хлопал глазами. Потом коснулась рукой его плеча:

– Я на минутку! Сейчас вернусь.

И вышла из салона.

Бея суетилась на кухне – старательно, даже слишком, разжигала печь, возилась с посудой, протирала вымытые с вечера горшочки – и охала сама себе, ой-ой-ой да ай-ай-ай. Вейра остановилась в дверях и мягко сказала ей:

– Бея, деточка, мне нужна твоя помощь.

– Конешношь, госпожа! – с готовностью откликнулась служанка, преданно, по-собачьи, заглядывая в глаза. Руки её теребили большой запятынный передник.

Вейра оглянулась на коридор и понизила голос:

– Надо приготовить маленькую комнатку на втором этаже. Проветри её, постели чистые простыни и занавесь окошко плотной тканью. Принеси туда старые принадлежности для умывания. Только тихо, как мышка! Я пока не хочу ничего говорить матушке Фридиль!

– Сейчас жа! Агашь! Побежалася!

И Бея с готовностью сорвалась с места, скрывшись на лестнице. Вейра усмехнулась. Хорошая девочка, исполнительная, быстрая. Говорит, правда, с этим жутким деревенским акцентом, но каждому свои недостатки. Ещё пообтешется, станет образцовой служанкой! А пока пусть бегаёт вверх-вниз по крутой лестнице.

Вздохнув, Вейра поспешила в салон. Вен Риули придёт скоро. Молодого Ликса надо быстро переместить наверх, а он, похоже, тяжёлый. Сможет ли взобраться по крутой лестнице? Прервав её мысли, из салона донёсся сдавленный вопль. Вейра всплеснула руками – что там ещё произошло? – и ускорила шаг.

Но открывшееся зрелище насмешило её. Мил, словно красуясь перед гостем, грациозной ланью скакала у окна, то и дело порывивая и издавая булькающие звуки, выражающие общее недовольство рыси. За стеклом сидела нахохлившаяся Пери и чистила пёрышки, терпеливо ожидая, когда её впустят. Она не обращала ни малейшего внимания на возбуждённую рысь. Зато враз оклемавшийся гость, оттаявший Ликс, сидел, прижимаясь спиной к ещё тёплым камням очага, и крепко сжимал в руке железную кочергу. На лице его застыла отчаянная решимость дорого продать свою жизнь.

Отсмеявшись и с лёгкостью выдержав убийственный взгляд Ликса, Вейра подошла к окну. Впустив птицу и с ней немного свежего морозного воздуха, обернулась и сказала:

– Не бойтесь, достопочтенный вен, это просто мои ручные животные.

Он хмурился, не выпуская кочерги из рук. Вейра, скорчив досадливую гримаску, поднесла сову поближе, показала и представила:

– Пери.

Сова, услышав своё имя, вежливо ответила, качнув головой:

– Ух-ху.

Ликс вздрогнул, но мужественно выдержал презентацию. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Мил крутилась вокруг, изнывая от желания перетянуть на себя часть внимания, но Вейра сперва посадила Пери в клетку, сняла с протянутой лапы мешочек и обрадовалась, увидев свёрнутый в трубочку ответ.

Забыв на мгновение о пришедшем госте, с трепетом развернула записку и прочитала: «Моя милая Вейра! С огромным удовольствием я исполню твой маскарадный костюм. Ах, каким он будет оригинальным! Но уверена ли ты в своём смелом желании открыть лодыжки для взглядов всего города? Впрочем, зная тебя, этот вопрос кажется излишним. Моя восхитительная подруга, у меня родилась идея для маски, которая полностью закроет твоё нежное, но узнаваемое личико! Не изволь волноваться, костюм прибудет в нужный срок, даже если мне придётся шить всю ночь. И ещё: не вздумай даже заикнуться об оплате, это будет моим знаком благодарности для тебя, милая маленькая Вейра! Всегда твоя, Лейс»

В немом восторге Вейра прижала письмо к груди. Она устроит настоящий фурор на балу! Зная девицу Лейс, платье окажется точь-в-точь таким, каким Вейра обрисовала его в письме. Ещё и маска! Ещё и подарок! Жизнь прекрасна!

Негромкий, но чёткий кашель отвлек Вейру от ликования по поводу будущих бальных побед. Ликс сидел, странно напрягшись, стиснув зубы, отчего его волевая челюсть казалась совсем квадратной. Мил пыталась ластиться к своей неудавшейся добыче, подмурлыкивая хрипло и толкая мужчину большой тяжёлой головой в колени. Беспочтительно отогнав зарвавшуюся кошку, Вейра предложила Ликсу руку:

– Попытайтесь встать, достопочтенный вен! Мы поднимаемся по лестнице, и я устрою вас в комнате для гостей.

Слова она сопровождала выразительными жестами, и именно их понял Ликс, положил кочергу на камни камина и аккуратно взялся за руку Вейры. Ей пришлось поднапрячься, чтобы помочь ему подняться, но, как только она решила, что полдела уже сделано, как Ликс пошатнулся и чуть не упал прямо на Вейру.

– Что же вы, достопочтенный вен? Соберитесь! Я не могу вас тащить на себе! – пыхла она, пытаясь справиться с действительно тяжёлым телом. Ликс пробормотал что-то непонятное и ухватился рукой за стену. Вейра выдохнула с облегчением и пожаловалась:

– Нет, это не очень разумное решение... Вы ещё так слабы! Упадёте на лестнице – мне вас не поднять.

Он понял и помотал головой, отчего его красивые тёмные кудри закрыли глаза. Ликс шумно дунул на волосы, а потом подмигнул ей обоими глазами. И пополз к выходу из салона, перебирая одной рукой по стене, а другой с силой навалившись на плечо Вейры. Зрелище они, наверное, представляли со стороны презабавное, так как Ликс был голым, укутанным в плетёную узорную шаль и в коротеньких чулках с грязными подошвами. Но смеяться Вейре не хотелось. Она никогда не жаловалась на выносливость, но тут готова была звать на помощь – немощный большой мужчина давил на неё, как будто она несла на плечах телёнка.

Впрочем, на лестнице дела пошли веселее. Ликс отпустил Вейру и уцепился двумя руками за перила. Подтягиваясь и корча страшные гримасы, он потихоньку, шаг за шагом, преодолел крутой подъём и остановился наверху, дыша, как распаренный от долгой скачки жеребец. На десять ступенек у них ушло почти пятнадцать минут... Вейра поднималась сзади и молилась Творцу, чтобы Ликс не запнулся. Упадёт прямо не неё и погребёт под своим мускулистым телом, а там только и звать соседских слуг, чтобы выбраться. Но, к счастью, всё закончилось благополучно.

Бея как раз завершила готовить комнату. Это было маленькое помещение, которое служило спальней для вдовьей компаньонки – старушки-приживалки. Когда Вейра вселилась в дом, она велела выбросить весь хлам, скопившийся за многие годы, оставив лишь узкую твёрдую кровать с высоким изголовьем и старинный шкаф работы венийских мастеров – настоящий антиквариат в отличном состоянии. Теперь в шкафу хранились запасы простынь и лишние подушки, а кровать служила Бее для сортировки целых и порванных чулок хозяйки. Когда Ликс доковылял до комнатки, кровать была убрана и застелена чистой, хрустящей с мороза постелью, на окошке висели синие занавеси, впускавшие лишь немного утреннего света, а на прикроватном столике стояли фарфоровый тазик, такой же кувшин с водой и глиняная кружка из личных вещей служанки. Смотри-ка, прониклась заботой о незнакомом вене!

Вейра в последнем усилии помогла Ликсу добраться до кровати, и он упал на жалобно скрипнувшие доски, покрытые соломенной периной.

– Ну вот и славно! – выдохнула Вейра, смахивая капельки пота со лба. Вгляделась в бледное лицо Ликса. Славно-то славно, а выглядит он неважно! Надо бы его накормить, напоить медовым вином... Закутать, но не допускать перегрева, а то подхватит горячку, как кузен в далёком детстве. Ох, не сейчас. Сейчас надо подготовиться к визиту вена Риули.

Вейра окликнула деловито хлопотавшую возле больного служанку:

– Бея! Ступай приготовь мне ванну! Потом возьмишь в леднике курицу и сваришь лёгкий бульон для вена. Не мешкай! И прибери в салоне!

Толстенькая девушка только молча кивнула и убежала на лестницу. Вейра улыбнулась Ликсу:

– Теперь отдыхайте, достопочтенный вен. Я проведу вас позже.

Она указала на окно:

– Не открывайте занавесь!

Ликс поморщился, показывая своим видом, что не понимает её слов, и Вейра тронула ткань пальцами, потом приподняла её и грозно покачала головой, а для верности ещё и пальцем помахала из стороны в сторону. Лицо Ликса просветлело, и он нехотя кивнул. Вейра ткнула пальцем на дверь и снова сделала запрещающий жест. Ликс усмехнулся, снова бормоча на своём непонятном языке. Недоволен. Ну ничего! Вот поправится немного, Вейра найдёт способ поговорить с ним, возможно, спросит совета у кого-нибудь из знакомых, которым можно

доверять... Ей самой было странно это нежелание раскрывать присутствие постороннего человека в своём доме, как и подробности их знакомства. Что-что, а приличия не играли здесь практически никакой роли. Но интуиция подсказывала – лучше пока молчать.

Ликс устало прикрыл глаза, откинувшись на взбитые подушки. Вейра постояла ещё минутку, разглядывая его красивое необычное лицо, а потом вышла. Пора искупаться. И подумать обо всём обстоятельно.

В купальне было тепло и душно от пара. Бея, достойная дочь своей матери, готовить толком не умела, зато воду грела очень быстро. Каждому своя магия, конечно, но иногда Вейра была готова поменять своё воздействие на животных против самой скучной бытовой магии, как разводите огонь пальцами или в момент кипятить чайник воды одним касанием ладони.

Раздевшись донага, она медленно погрузилась в горячую, мутную от мыла воду. Наслаждение обняло её, растворило в пелене первозданного счастья. Никто не поймёт Вейру, если она скажет, как любит сидеть в обжигающей воде, ни один человек, который не умирал однажды от холода... Чем горячее, тем лучше. Много, очень много горячей воды... И любимое медовое вино рядом. Бея выучила это правило с первого дня. Вейра отпила глоток тёплого вина со сладким вкусом и закрыла глаза, поставив бокал на приступочку ванны. Вен Риули... Бал у вена Триболи... Вен Ликс... Мысли путались, наверное, от усталости, ведь она очень плохо спала этой ночью, просыпаясь каждые полчаса и проверяя, не умер ли мужчина рядом с ней...

Дверь открылась, сметая с порожка снег и скрежеща налипшим льдом. Вейра видела её смутно, но неяркий розовый свет разбудил угасающее сознание, и женищина, представшая перед ней, показалась такой же красивой и сияющей, как Чёрная Ведунья... Невысокая, худощавая, с нимбом пушистых светлых волос, не покрытых шляпкой или чепцом, женищина курила трубку и просто стояла, смотрела на Вейру. Одетая она была весьма скромно: кроме тканого корсета с костяными вставками и коротенькой нижней сорочки, которая пузырилась на груди и ниже пояса, на женищине были лишь кокетливые белые чулочки с бантиками на подвязках. Она отчего-то не боялась мороза, поэтому показалась Вейре в первый миг самой настоящей богиней...

Но в следующий миг женищина выплеснула помой из ведра, которое вынесла за дверь, и нетронутый белый снег окрасился всеми оттенками коричневого и жёлтого. А женищина вынула трубку изо рта и спросила хриплым голосом:

– Эй ты! Что ты тут сидишь?

Вейра не ответила. Она не смогла выговорить ни слова. Горло не повиновалось ей. Женищина с минуту оценивающе смотрела в упор, а потом кивнула, велев подойти. Вейра, с трудом передвигая ноги, которых почти уже не ощущала, приблизилась к крыльцу.

– Стирать умеешь?

Вейра кивнула.

– Готовить?

Снова кивок. Готовить она умела лишь простые сытные блюда в печи, но объяснить этого уже не могла.

– Мыть и убирать?

Силы почти покинули Вейру, голова заполнилась туманом. Того и гляди, сознание уйдёт в Чистилище... Но женищина не стала ждать ответа на последний вопрос, а снова кивнула:

– Давай, гребь сюда! Не нужен нам твой холодный труп перед заведением!

Вейра очнулась, дёрнувшись. Во сне, полном старых воспоминаний, она поскользнулась на обледеневшем крыльце и чуть не упала. Но вовремя проснулась. Хорошо, что во сне нельзя упасть или умереть! А ведь тогда она всё же пересчитала ступеньки крыльца, руками и плечом, хвала Творцу, что не носом... Лира привела её в жарко натопленную кухню и усадила напротив печи. Там Вейра и дремала, отогреваясь, пока не пришли остальные.

Лира. Надо спросить совета у Лиры. Она всё знает и обязательно поможет! И Вейра не станет посылать сову, оденется потеплее и сходит сама, лично. Такие дела требуют разговора с глазу на глаз.

Глава 3. Вен Риули, или Зачем птичке думать?

– Выдохнитесь, госпожа! Ещё немножечко жа! Постарайтесь!

Вейра постаралась. Ухватила руками за стойку балдахина, зажмурилась и выдохнула весь воздух. Бея поймала момент и резко дёрнула за шнуры. Корсет стиснул талию тисками, служанка ловко завязала шнуры кривоватым бантиком и довольно оглядела Вейру:

– Ох-ох, какая же у вас тоненькая талия! Вы прямо бокал для вина!

Осторожно отпустив мышцы, Вейра положила ладони на утянутый живот и несколько раз легонечко вздохнула. Огромное зеркало с потрескавшейся позолоченной рамой показало её отражение: хрупкая девушка с силуэтом скрипки, сжатая изогнутыми костяными пластинами, с высокой грудью, едва укрытой кружевами нижней рубашки, с худощавыми, но вполне аппетитными ножками в ажурной сеточке чулок с кокетливыми бантиками на лентах. Всё, как того требует мода, но немножко короче, уже или виднее. Вейра повернулась перед зеркалом, изгибаясь в разные стороны, чтобы побыстрее привыкнуть к давящему корсету, и наклонилась, поправляя чуть сползший чулок. Бея в открытую любовалась грацией госпожи, а потом заметила:

– Как это у вас так получается – вроде бы ничего не делается, а красиво-о-о!

– Не болтай! – довольно буркнула Вейра, присаживаясь на низкий пуфик. – Лучше заколи мне волосы, как в прошлый раз, на затылке высоко, а спереди локоны!

Как получается, как получается... Тренировки, долгие годы наблюдения и повторения, иначе никак. Сначала просто смотришь и запоминаешь, а потом пытаешься перед зеркалом сделать то же самое. И просишь показать ещё раз, да не только показать, а и руки поставить, как надо, и наклон тела поправить, если надо.

Бея взяла в руку щётку для волос, сунула пучок приколок в рот и прошепелявила:

– Завелись б вы, госпожа, камеристку, у ней бы лучша получилось бы.

– И у тебя получается, – дёрнула плечом Вейра, освобождая тянущую под мышками кожу. – Я вот тебя обучу, будешь моей камеристкой, Бея. А на твоё место возьму другую девчонку из деревни!

– Ишь, – ухмыльнулась служанка, споро расчёсывая светлые, чуть выющиеся длинные волосы Вейры. – Небось и жалование дадите побольшей!

– Дадуся... Тьфу ты, Бея! Учись уже говорить правильно! А то я за тобой повторяю, скоро начну в рукав сморкаться и подолом руки вытирать!

Несмотря на строгий тон Вейры, девчонка не испугалась, а фыркнула от смеха, наверное, представив госпожу в образе деревенщины. Не знает глупышка, что до десятого года хозяйка её и была обычной крестьянской нищетой. Всем, что Вейра знает и умеет теперь, она обязана Лире и заведению матушки Бийль... Ну, и немного своему природному упорству.

Старательная Бея очень быстро закончила причёску. Видимо, её подхлестнуло обещание места камеристки. Вейра удовлетворённо оглядела своё отражение и кивнула:

– Давай теперь платье. А то скоро визитёр появится.

Служанка с готовностью расправила платье из серого шёлка, лежавшее на кровати. Это платье Вейра любила больше всего и не только из-за его удобства. Одежда из Вессландии всегда привлекала внимание, хотя не была ни особо модной, ни очень дорогой. Серый шёлк становился то чуть голубоватым, то переливался лавандовым, а то казался бежевым, а происходило это от перемены настроения той, которая носила платье. То ли ткань была магической, то ли пряжи колдовали над нитями, но Вейра всякий раз словно надевала новый наряд.

Вступив в кольцо широких юбок, она приподняла руки, ожидая, пока Бея приладит поясные завязочки к крючкам корсета. Потом служанка расправила широко заложенные складки, чтобы уголок корсета совпадал с уголком лифа, врезанного в юбку. Узкие рукава без манжет,

но с фестончиками и складками на уровне локтей, скроенные лишь до плеч, скрылись под широким белоснежным кружевным воротником, который к вороту не имел ровным счётом никакого отношения, зато открывал глубокое декольте, чтобы можно было любоваться на пухлые, выпуклые и приподнятые облачки груди. Застегнув крючки на спине, Бея несколькими ловкими движениями отряхнула платье, огладив юбку ладонями, и выдохнула:

– Всёшь! Красота несравненная!

Вейра облизнула чуть тронутые кармином губы. Платье было насыщенного цвета недоспелых оливок и чуть ли не светилось изнутри. Вот как выглядит нетерпение и возбуждение! Это Туана со своим балом! Да ещё непонятно откуда взявшийся на заднем крыльце вен Ликс... Ох, всё это не к добру, совершенно уверена.

– Бея, ты бульон сварила для нашего гостя? – чтобы отвлечься от мыслей, Вейра вернулась к хозяйственным делам. Служанка покивала:

– А как жа! Как жа! Кипится, кипится, как только сготовится, сразушь ему и отнесуся наверх.

– И смотри, чтобы тебя никто не приметил! Пока прибери тут, побрызгай парфюмом, только ради Творца не используй весь флакон!

Спустившись в салон, Вейра придирчиво оглядела обстановку. Всё же Бея расторопная девчонка, хоть и не слишком сообразительная. Уже успела навести порядок. Камин снова разожгла, придвинула к огню диванчик со столиком, даже вино поставила греться на камни. Надо подарить ей какую-нибудь приятную мелочь из тех, что Вейра больше не использовала: брошь, например, или ленту для чепца...

На часах медленно ползла длинная стрелка. Ещё немного времени осталось, можно присесть и закрыть глаза. Подумать обо всём хорошем, что есть в её жизни, представить тихий спокойный вечер в компании медового вина и новой книги о любви принца к крестьянке... Жаль, что приходится запирать Мил в клеть на время визита, все гости боятся бедную рысь. А так было бы славно погрузить пальцы в её тёплую маслянистую шерсть, почесать загривок, потрепать кисточки на ушах...

Быстрые шаркающие шаги вывели Вейру из состояния полудрёмы. Выпрямившись, взглянула на дверь – тётушка Фридиль собственной персоной. Не старая ещё, но морщинистая и полусогнутая, экономка производила впечатление жалкой приживалки. Но только на тех, кто её не знал. Живой, цепкий ум и отменная деловая хватка более подошли бы купцу или сборщику податей, а не пожилой женщине неопределённого происхождения. Тётушка Фридиль приковыляла к Вейре на второй день после переезда в этот дом и тихим, скромным голоском объяснила, что негоже молодой незамужней вильене жить в одиночестве с одной лишь служанкой-недорослю. Велик был соблазн посмеяться над сумасшедшей старушкой, но Вейра спросила, что же, собственно, умеет тётушка Фридиль. Та лукаво улыбнулась и предложила устроить ей испытание. Лунный месяц чтобы увидеть собственными глазами. По прошествии двадцати одного дня Вейра с удивлением выслушивала вежливую просьбу старушки назначить ей жалование или велеть идти вон. О последнем не могло быть и речи. Вейра вообще не понимала, как могла жить раньше без этой деятельной и волевой женщины. Сэкономленные за лунный месяц гаульдены в несколько раз превышали стандартное жалование экономки, поэтому тётушка Фридиль получила в свои руки неограниченную власть над Беей и всем маленьким хозяйством Вейры, а также некоторые дополнительные обязанности, с которыми отлично справлялась до сих пор.

Проковыляв к камину, старушка обвела критическим взглядом инсталляцию из стеклянного кувшинчика с вином и бокалов, слегка передвинула дощечку с нарезанным крупными пластами деревенским сыром, завернув палец в передник, отёрла несуществующее пятнышко на столешнице и, наконец, повернулась к Вейре:

– Моя дорогая, нам нужно очень серьёзно поговорить!

Сердце упало куда-то вниз, стуча в животе, и Вейра поднялась с кресла, постаралась мило улыбнуться:

– О чём же, тётушка Фридиль?

Экономка несколькими точными движениями поправила на ней кружево воротника, фестончик, складку юбки и почти шёпотом продолжила:

– Чудесное платье, милая, у вашего поклонника безупречный вкус. Так вот. Я обнаружила на заднем крыльце... Извольте вообразить, Вейра! Кровь!

О, Творец! Только этого и не хватало! Сейчас зайдёт неприятный разговор о ночном госте, отогретом в салоне...

– Кровь? Я ничего не заметила, – пробормотала Вейра, пытаюсь выиграть время и придумать подходящее объяснение, но тётушка Фридиль уже всё решила за неё:

– Я склонна вменить её вашей рыси. Вообще, я всегда считала, что животным место в лесу или в специальном огороженном саду, куда можно прийти посмотреть на них. Но не в доме! Мил постоянно таскает внутрь всяческих мелких грызунов и птичек, а убирать за ней кому?

– Немедленно скажу Бее, и она посыплет крыльцо песком, – со вздохом облегчения обрадовалась Вейра, но старушка не спешила подарить ей надежду на сохранение секрета:

– О, не трудитесь, моя маленькая Вейра! Я уже убрала замаранный снег и засыпала следы песочком. Но... Сдаётся мне, что в этот раз добыча рыси была покрупнее, чем простая мышь!

Вейра схватилась за грудь. Корсет давил и мешал дышать. Неужели на крыльце остались отпечатки рук или ног вена Ликса?! Творец, что же делать?

Тётушка Фридиль приблизилась, обдав Вейру плывущим вокруг неё ароматом сладких яблок с корицей, и заговорщицким шёпотом заключила:

– Я думаю, что Мил поймала и разорвала... Извольте вообразить, моя милая! Крысу!

Неправильно истолковав молчание ошеломлённой Вейры, старушка покивала многозначительно и продолжила:

– Да-да! Одно из тех жутких существ, что терроризируют бедные кварталы! «Вестник Тоннехеда» писал об этих монстрах! Они огромны и бесстрашны, не гнушаются ни припасами, ни младенцами, можете ли вы представить себе такой кошмар?

– Это ужасно... – пробормотала Вейра. Взяв со столика маленький веер из длинных перьев экзотической птицы, она принялась обмахиваться им, чтобы согнать краску с лица. Крысы... Ей нет никакого дела до крыс, уж с кем с кем, а с крысами всегда можно договориться! Но пусть уж лучше старушка паникует из-за крыс, чем из-за незнакомца, который в сей момент спит в комнатке на втором этаже.

– Так вот. Мил не должна приносить сюда падаль из всяческих трущоб. Неизвестно, что ела эта крыса и какой заразой болела. Моя покойная нянюшка говорила, что все болезни от крыс. Крыса – главный враг человека...

«Динг» и ещё один «динг» дверного колокольчика прервал говорливую экономку на полуслове. Она встрепенулась, насколько это было возможно при её сгорбленной спине, и зашаркала в коридор, бросив Вейре:

– Ох, милая моя, прихорошиться же! Покусайте губки, пощиплите щёчки, на вас лица нет – какая вы бледненькая!

Ну вот, пожалуйста! Сначала напугает до полусмерти, а потом – прихорошиться, милая! Вейра с треском захлопнула веер, прикрыла глаза, вздохнула несколько раз, успокаиваясь внутренне, и взглянула на дверь, надев на лицо свою самую приятную улыбку.

Вен Риули вошёл быстрым шагом, свойственным всем коммерсантам. Его полное лицо, словно вздувшееся от неумеренных возлияний, бледное и всегда слегка растерянное, сейчас выражало умеренную радость. Достопочтенный владелец всех окрестных лесопилок придерживался консерваторских взглядов на общение: умеренность во всём, со всеми и независимо от

обстоятельств. Он словно сэкономил эмоции, не позволяя себе транжирство в чувствах. Вейра чуть склонила голову к плечу, протягивая ему руку:

– Вен Риули, вы сегодня прекрасно выглядите! Мороз идёт на пользу вашему и без того отменному здоровью!

Склонившись в точно отмеренном движении, вен Риули отметил её кисть галантным поцелуем и ответил ровным, ничего не выражающим голосом:

– А вы, моя маленькая Вейра, с каждым днём становитесь всё прелестнее и прелестнее. Примите от меня небольшой презент, не считите за дерзость.

И он протянул ей деревянную шкатулку вытянутой формы, украшенную изысканной резьбой. Вейра приняла дар, отложив веер, откинула затейливый крючок и отворила крышку:

– Ах, вен Риули, вы просто неподражаемы! Как вы точно помните мои вкусы!

В шкатулке покоилась на перине из стружек, пахнущих хвоей, пыльная бутылка тёмного стекла с залитым воском горлышком. На пожелтевшей этикетке вязью были выведены заграничные буквы.

– Морошковое вино из Вестернских погребов, милая Вейра. Ему двадцать четыре года. Хранится на лёгком холоде. Употребляется под сладости и мягкий сыр, – прочитал краткую лекцию явно довольный собой вен Риули. – Смею надеяться, что мы разопьём его вместе, скажем, на будущей неделе?

– Вне всяких сомнений, достопочтенный вен! – Вейра присела в вежливом реверансе. – Я велю служанке устроить эту бутылочку возле ледника. Но присаживайтесь, почувствуйте себя как дома!

– К моему великому сожалению, Вейра, я сегодня несколько спешу. Не будет ли слишком фривольно и бесцеремонно с моей стороны попросить вас немедленно приступить к самой сути нашей встречи?

– Ну что вы! – Вейра мягко улыбнулась, коснувшись пальцами его дряблой руки. – Мы давно знакомы, вен Риули, какие церемонии могут быть между нами! Но уж бокал медового вина вы выпьете, не так ли?

– Не могу отказать.

Вейра наполнила два бокала чуть больше, чем наполовину, помня о вкусах гостя. Умеренность во всём. Вино приятно согрело изнутри, и Вейра пожалела, что не может выпить сразу два или три бокала. Ну ничего, выпьет потом. Чинно подняв бокал, вен Риули пригубил немного вина и причмокнул губами:

– У него странноватый вкус, Вейра. Вы в него добавляли что-то?

– Да нет, ничего особенного, всё как всегда, – удивилась она, отпивая из своего бокала. – Быть может, служанка бросила слишком много корицы!

– Не знаю, не знаю...

Он отставил бокал на столик и склонил голову:

– Могу я предложить вам руку, Вейра?

Она быстро проглотила вино и улыбнулась, продевая кисть в кольцо его согнутого локтя:

– Только до лестницы, достопочтенный вен, как и всегда!

Они вышли в коридор, и Вейра бросила быстрый взгляд на изящный комодик из лакированного дерева, стоявший у входной двери. Рядом со стоявшей на нём вазой, в которой красовался букет засушенных цветов, примостилось маленькое, ничем не примечательное расписное блюдечко. Кожаный мешочек лежал на нём, выпирая пухлыми боками. Полный мешочек. Прекрасно, все формальности соблюдены.

По лестнице они поднимались по отдельности. Сперва Вейра, приподнимая подол платья одной рукой, затем вен Риули – медленно преодолевая крутые ступеньки. Он сам на этом настоял, ибо не желал, чтобы его придерживали сзади, хотя таков был негласный порядок

вещей в любом заведении. Но вен Риули на всё имел своё собственное мнение, не считаясь ни с какими установленными правилами. В комнате, притворив за собой дверь, он мгновенно преобразился. С лица исчезли чопорность и умеренность. Лишь здесь он позволял себе быть самим собой...

Прижатая к его объёмному животу в страстном объятии, Вейра засмеялась и нежно поцеловала вена Риули в нос:

– Ну погодите же, мой вен! Вы же помогаете мне расстегнуть платье, не правда ли?

– Это моя святая обязанность – помогать дамам! – выдохнул он с горящими глазами. Вейра повернулась к вену спиной, принимая самую соблазнительную позу. Быстрый взгляд, брошенный в зеркало, подтвердил, что вен Риули, как обычно, сражён наповал. Хорошо, что на этом платье не так много крючков, а то руки у него всегда дрожат при церемонии раздевания.

Он, наконец, освободил её от вессландского великолепия и тяжело положил руки на плечи. Вейра вздрогнула от холодного прикосновения, но тут же потёрлась щекой о его кисть:

– Ну что же вы! Корсет, достопочтенный вен.

– Вы такая бесстыдница, моя маленькая Вейра, –дохнул вен Риули ей в ухо, щекоча и обдувая открытую шею. – Но, в то же время, есть в вас нечто чистое и невинное... Дайте же мне посмотреть на вас!

– Вам нравится смотреть на свою маленькую Вейру, – низким воркующим голосом поддакнула она, поворачиваясь и выставляя напоказ едва прикрытую кружевом грудь. Вен Риули побагровел, переставая дышать. Как будто впервые видел не только прелести Вейры, но и женские прелести вообще.

– Моя... Моя маленькая...

Он огладил её плечи, чуть отодвигая в сторону тонкую ткань нижней рубашки, пальцами пробежался по округлым холмикам. Смахнул выступивший на лбу пот. Вейра с потаённой улыбкой снова показала ему спину:

– Не медлите, мой вен. Этот корсет такой тугой! Освободите меня!

И терпеливо застыла, ожидая, когда он расколупает ногтями не слишком тугий узелок. Надо будет сказать Бее, что она перестаралась в этот раз... Всё же у вена Риули одышка и грудная жаба, нельзя подвергать его такому испытанию.

Рывок – и ей стало легко дышать. Так легко, что Вейра чуть было не всхлипнула от наслаждения. Но сдержалась, позволив себе лишь тихий стон, который был воспринят совершенно однозначно.

– О, моя Вейра, моя прелестница! Дайте мне несколько мгновений, и я ваш!

Она выскользнула из дрожавших рук, оставив корсет на полу, и устроилась на кровати, под тонким стёганым одеялом, мода на которые тоже пришла из деревень:

– Я вся в нетерпении, достопочтенный вен!

Глядя на спешащего и путающегося в крючках панталон мужчине, Вейра в который раз пожалела, что вино не принято поднимать в спальню... Она могла бы сейчас, например, грациозно потягивать его из бокала, нюхать фруктовые нотки, напоминающие о лете, а не запах от штрипок из высоких сапог. Быть может, стоит подумать о том, как выдать эту идею за новую моду из заграничья? Нет, только не с венем Риули, он прекрасно осведомлён об обычаях заведений в ближних королевствах... Мать-Ведунья, ведь он проводит много времени в поездках к своим значительным покупателям! У него можно поинтересоваться о проблемах с языком!

Она поинтересовалась. Обдумывала, как бы половчее привести разговор к нужному вопросу, даже когда вен Риули давил на неё сверху, пыхтя и стараясь прийти к долгожданной разрядке. Постанывала, хваталась руками за простынь, закатывала глаза, а сама репетировала продолжение беседы в зависимости от того, что ответит ей достопочтенный визитёр. Творец, мой вен, ведь раньше вы были много быстрее и ловчее! Неужто вен Риули начал постыдную практику услаждать себя рукой, чтобы впоследствии растянуть удовольствие? Вот незадача...

Но скоро всё благополучно закончилось, и оба они разлеглись, тяжело дыша, под одеялом, едва касаясь друг друга разгорячённой кожей. И тут вен Риули, сам того не ожидая, помог Вейре начать разговор. Он просто объявил:

– Чуть было не запамятовал, моя прелестница, не ждите меня на будущей неделе. Я отправлюсь в Амедьевару на несколько дней. Поговаривают, что там делают некое новое и чрезвычайно великолепное вино из горьких клубней патата, я привезу вам бутылочку.

– Ах как жаль, вы же знаете, я буду скучать! – приняла опечаленный вид Вейра и спросила, постаравшись не выказывать особенного интереса: – А как же вы, вен Риули, понимаете этих иноземных торговцев? Ведь они говорят на своём языке, неужели вы учили все языки всех королевств?

– Что вы, что вы! Это едва ли возможно. Но я, как и многие другие негоцианты, использую шептальный камень, он очень удобен для обеих сторон.

– Шептальный камень? – заинтересовалась Вейра. – Что же это за штучка? Магическая?

– Непременно! Он висит у меня на шее, на цепочке, и я понимаю каждое слово разговора.

– А как же они понимают вас?

Вен Риули снисходительно улыбнулся и потрепал её по щеке:

– Как вы наивны, моя маленькая Вейра! Разумеется, заграничные торговцы используют такой же камень!

Прелестно, просто прелестно! Вейра приподнялась на локте, с живым интересом глядя на вена Риули, и протянула голосом капризной девочки:

– Мне бы так хотелось иметь парочку шептальных камней! Наверное, даже сильнее, чем амедьеварское вино!

– Зачем же вам эта забава, Вейра? Вы желаете путешествовать? – неприятно удивился вен Риули. Она прекрасно поняла причину его настороженности – боится, что Вейра попросит взять её с собой – и рассмеялась так звонко, как только умела:

– Что вы, мой достопочтенный вен! Меня вовсе не тянет в вояжи! Просто вдруг я встречу в Тоннехеде иноземного путешественника, мне бы очень хотелось поговорить с ним безо всяких барьеров! Узнать, что носят дамы, во что играют в модных салонах, какие песни поют на королевских балах...

– Как это мило! – вен Риули мгновенно смягчился и, взяв Вейру за руку, поцеловал кисть. – Что же, я в силах исполнить это ваше пожелание. У меня как раз имеется два лишних шептальных камня, которые я с превеликим удовольствием пришлю вам сегодня вечером с посыльным.

От радости Вейра даже подпрыгнула на перине и порывисто обняла вена за шею:

– Вы так добры ко мне, вен Риули! Благодарю вас, благодарю, благодарю!

– Ну будет, будет, прелестница, – с нарочитой сердитостью отмахнулся он. – Мне пора. Рад был повидать вас, моя маленькая Вейра.

Вен Риули долго одевался, бесконечно поправляя детали гардероба перед зеркалом, а окрылённая дорогим подарком Вейра даже помогла ему кокетливо повязать широкий платок на горло. Накинув домашний парчовый пеньюар, она спустилась вслед за веном в коридорчик и проследила, как он взял с блюдечка уже пустой мешочек, сунул его небрежно во внутренний карман строгого камзола и вышел в отворенную тётушкой Фридилль дверь.

Как только щёлкнул замок, Вейра облегчённо вздохнула:

– Слава Творцу, ушёл... Все ли деньги принёс?

– Все, а как же, – успокоила её старушка. – Я их уже спрятала в сундучок, не извольте беспокоиться, Вейра. Хотите ли покушать? Бея сказала, что бульон давно готов.

– Да, тётушка, пусть отнесёт чашку бульона наверх. Я устала, хочу немного полежать.

И Вейра принялась подниматься по лестнице. Нет, тётушке Фридиль придётся сказать про вена Ликса. От пронырливой старушки это долго не утаить. Но сперва дождаться посыльного с камнями и поговорить с гостем по душам.

Глава 4. Лира, или Разговор по душам

– Зачем ты её сюда притащила?

Стоявшая перед Вейрой женщина была внушительной. Не размерами, нет. Она как раз оказалась маленькой, худенькой и морицинистой. Про таких в деревне говорили: «Шелудивая шавка» А вот её глаза впечатляли. Большицие, круглые, окружённые чёрными ресницами, они сияли непонятым цветом, заставляя оцепенеть и съёжиться. Женщина была на голову ниже всех остальных девишек в маленькой кухне, но смотрела на них свысока. А на Вейру смотрела так, словно перед ней лежала кучка навоза.

Первая женщина, отложив свою трубку, впечатала руки в бока и с вызовом ответила:

– Лучше, если бы шмакодявка загнулась у порога и завтра мы бы имели имперскую полицию в заведении?

– Оттащили бы подальше, – буркнула маленькая. Она шагнула к Вейре, оглядывая её с ног до головы, потом потребовала:

– Рот открой!

Вейра едва разжала стучащие зубы, но женщина резким движением больно запрокинула её голову и распахнула рот на полную. Потом брезгливо вытерла пальцы о корсет:

– У неё даже зубы ещё детские. За каким концом она нам сдалась, толку от неё...

– Пусть стирает да полы моет, она согласна за еду и кровать, – ответила серьёзно та, которую назвали Лирой. – Ведь так, дитя?

Вейра кивнула, потирая чуть ли не вывихнутую челюсть.

– Матушка Бийль, вам жалко, что ли? – подала голос другая девица – пухленькая, черноволая, с выпирающими из корсета грудями и толстыми ляжками, на которых чулки сворачивались сверху в трубочку. – Сколько этот ребёнок съест? А постирушки у нас много, да хоть и горшки ночные выносить – я ей ещё и приплачивать буду за это, лишь бы самой не таскаться!

Девишки разом засмеялись, и Вейре стало жарко. Неужели ей разрешат остаться? Ночные горшки – это же такая мелочь по сравнению с коровьим навозом и свиной баландой... Зато в тепле и сытости! Взгляд её с надеждой обвёл сидящих в маленькой кухне и остановился на лице матушки Бийль. Та достала из-за пояса подвязок трубку из непонятого светлого камня, задумчиво постучала ею о край стола и прищурилась:

– Набивать умеешь?

Вейра кивнула. Дядюшка курил трубку. Набивать её совсем несложно, главное, узнать, как именно предпочитает курить.

– Сколько тебе лет?

– Девять, достопочтенная вилья, – едва шевеля губами, ответила Вейра. Губы начали отогреваться, причиняя ей острую боль. Женщина на момент застыла, а потом захохотала, размахивая трубкой, отчего холодный вонючий пепел посыпался повсюду:

– Вилья! Ой, не могу! Ой, насмешила! Достопочтенная! Лира, где ты взяла это диво деревенское?!

– На пороге, – вежливо буркнула Лира, наливая в чашку бурюю жидкость из закопчённого чайника.

– Ладно, – отсмеявшись, ответила матушка Бийль. – Пусть остаётся. Кормить её будете сами, пока не начнёт приносить прибыль. Давайте, не зевайте, скоро колокольчик затрезвонит...

– Эй!

Вейра подхватила с края кровати и в первый момент с ужасом подумала, что уснула в заведении «Птички-невелички» за барной стойкой. А ведь за такое можно было схлопотать от матушки Бийль тяжёлым туфлём с деревянной подошвой...

Но нет. Прислонившись к спинке кровати, Вейра задремала в ногах вена Ликса. Бульон томился в горшочке под деревянной крышкой, а в руках опасно накренилась плошка с густым барсучьим жиром, которую Бея из-под подола передала хозяйке на кухне. Вен Ликс уже проснулся и теперь подталкивал Вейру коленом, тихим шёпотом пытаясь разбудить. Задремала! А ведь хотела натереть ему руки и лицо жиром, чтобы успокоить красную обмороженную кожу!

Покачивая головой в знак досады, Вейра присела поближе к мужчине и показала ему на плошку:

– Давайте, я намажу ваши руки, вам станет легче, почтенный вен!

Так как он снова не понял, Вейра осторожно взяла его пальцы в свою ладонь, зачерпнула немного густого, пахнущего мокрой шерстью жира и принялась легонько втирать в кожу кисти. Почтенный вен взвыл, как рысь, которой не дали сожрать законную порцию зайчатины. Вейра зашикала, испуганно приложив палец к губам:

– Вы что! Сейчас весь квартал сбежится сюда!

Он закатил глаза к потолку и отвернулся, предоставив ей заниматься рукой. Вейра усмехнулась, глядя на его стиснутые зубы. Мужчины! Совсем маленькая боль сводит их с ума. Тогда как женщина может терпеть и молчать до самой смерти...

– Не больно?

Лира растирала ей щеки обеими руками, которые щедро полила едко пахнущей жидкостью из пузатой бутылки. Вейра сглотнула комок вязкой слюны и выдавила из горла тихое:

– Нет.

– Врёшь ты всё, – усмехнулась Лира. – Но правильно врёшь. Никто не должен знать, что тебе больно. Иначе какая ты женщина!

Боль пульсировала, казалось, во всём теле. Спасения от неё не было – тело, отогреваясь, разгоняя кровь, протестовало против такого с ним обращения. Вейре снова захотелось умереть, чтобы избавиться от боли, но она задавила это проявление малодушия громким вздохом. Лира pokrutila головой, отчего непослушные кудряшки выскользнули из причёски и рассыпались по плечам.

– Сильная, да? Терпи, козявка. Имя у тебя есть?

– Вейра, – выдохнула она сквозь зубы.

– Вейра как?

– Никак, почтенная вилья, – тихо ответила она. Теперь у неё не было семейного имени. Как и семьи...

– Ну что ж, просто Вейра, – Лира отстранилась, вытирая руки о полотенце. – Если ты у нас удержишься, придётся придумать тебе новое имя.

Она прищурилась, глядя на Вейру, и улыбнулась, как будто знала много вещей наперёд:

– Мне отчего-то кажется, что ты удержишься. Но, во имя Чёрной Ведуны, не называй меня и других девочек почтенными вильями, договорились?

– Хорошо, вилья... То есть... А как вас называть?

– Просто по имени. Я Лира. А старшая – матушка Бийль. Остальных выучишь. А пока поди сядь возле печки, потом дам тебе поесть...

Вейра аккуратно обмотала кисти вена Ликса чистыми бинтами, нарезанными из старых простыней тётушки Фридиль, и взяла со столика горшочек.

– Вы голодны, достопочтенный вен? Покушайте немного бульона, чтобы восстановить силы.

Он вытянул руки с несчастным видом. Голодные голубые глаза жалобно блеснули. Вейра усмехнулась: бедный вен Ликс, с замотанными пальцами ложку не удержать! Она придвинулась ближе, накинута на его грудь свежее полотенецко и зачерпнула бульона ложкой:

– Ну же, открывайте рот! Будем кушать.

К такому обороту дел вен Ликс был явно не готов. Он нахмурился и даже слегка отодвинулся от Вейры. Но она настойчиво поднесла ложку к его рту и даже сама приоткрыла губы, словно показывая, что надо делать. Вен Ликс неохотно подчинился, проглотил вкусный бульон. Причмокнул, как младенец, и облизнулся, пытаясь достать языком ускользнувшую каплю. Вейра промокнула его губы краем полотенецка и ласково сказала, пытаясь чётко выговаривать слова:

– Вот и хорошо. Ещё одну!

Она почти скормила ему целый горшочек, чувствуя себя матерью этого большого беспомощного ребёнка, когда в дверь тихонько поскреблись. Вейра быстро глянула на вена Ликса и приложила палец к губам. Потом почти бесшумно подошла к двери и спросила шёпотом:

– Что такое?

– Это я, госпожа, это Бея! Тут посыльный принесли нешто для вас!

Отворив дверь, Вейра приняла из рук служанки небольшой пакет, обёрнутый тёмной парчой и перевязанный кокетливой лентой. Вен Риули постарался придать значение дорогому подарку. В этом была вся суть чопорного негоцианта: он делал всё на совесть, хоть и умеренно.

Нетерпеливо развернув упаковку, Вейра открыла деревянную шкатулку и ахнула. Два каплеобразных камня, ясно-синих с белыми прожилками, лежали на мягкой подушечке из чёрного бархата, а вокруг вились серебряные цепочки. Какая прелесть! Какая дивная, упругая сила исходит от них... Вейра провела рукой над камнями, словно огладив энергию артефактов, словно пытаясь впитать её. Эта сила отчего-то всегда приводила её в состояние восторга, Творец знает отчего.

Вейра быстро надела цепочку камня на шею, чуть прижала его ладонью к груди. Синяя слеза удобно легла в ложбинку, немного не доставая до кружева над корсетом, и сразу согрела кожу, как будто сила проникла в тело Вейры. Необыкновенное чувство! Она присела на постель вена Ликса и протянула ему второй камень, жестом показав, что необходимо его примерить. Мужчина заколебался, но Вейра мягко подтолкнула его руку:

– Ну же! Надевайте.

Синяя слеза устроилась на широкой, почти безволосой груди вена Ликса так, словно и была вырезана специально для него.

– Вы меня понимаете? – осторожно спросила Вейра. Вен Ликс поднял брови и, помедлив, кивнул. Потом наморщил лоб:

– Шептальные камни?

– Ах, как чудно! Они работают! – восхитилась Вейра. – Я тоже вас понимаю!

Она уселась поудобнее, сложив руки на складках пеньюара, и улыбнулась:

– Рассказывайте же поскорее, кто вы и откуда?

Он посмотрел на неё, как на редкое животное в клетки, и покрутил головой:

– Я... не знаю.

– Но ведь вы же мне сказали своё имя!

– Ликсено, да...

Вейра растерянно смотрела на гостя, не понимая, как можно не помнить кто ты и откуда. Вен Ликс нахмурился, зажмурил глаза, потом снова потряс светлыми кудрями:

– Нет, не знаю!

Он со стоном откинулся на подушку и пробормотал:

– Только этого мне и не хватало... Ведь я должен сделать что-то важное, а вот что...

– Не расстраивайтесь, достопочтенный вен, – попыталась утешить его Вейра, поглаживая по плечу. – Всё будет хорошо, вы обязательно вспомните!

– Где я нахожусь? – спросил он, вскинувшись. Вейра пожала плечами:

– Вы в моём доме, достопочтенный вен... Но, сдаётся мне, вы желаете знать город? Поскольку вы иноземец... Что же, вы в Тоннехеде, в метрополии Блаугарда.

– Тоннехед, – пробормотал мужчина, потеряв лоб. – Тоннехед... Да, я прибыл в Тоннехед... Но откуда и с какой целью? Я не помню!

– Вам надо отдохнуть, вен Ликс.

Вейра встала, поправила покрывало на больном и улыбнулась одной из своих самых искренних и мягких улыбок:

– А я пока попробую узнать что-нибудь в городе и раздобыть вам новую одежду вместо той, что я уничтожила, спасая вас.

– Я ещё не сказал вам спасибо, прекрасная вильена, – смутился он. – Как только ко мне вернётся память, я найду способ отблагодарить вас.

– Право, не стоит думать об этом, – вежливо отказалась Вейра, но про себя подумала: «Отблагодарите, конечно же. Я этого не забуду!»

Поправляя лиф платья над корсетом и ворча на неудобный покррой, она спустилась на первый этаж и вошла в кухню. Тётушка Фридиль и Бея вовсю чаёвничали, прикусывая вечерашними пряными булочками. Завидев хозяйку, служанка вскочила:

– Госпожа, вы чего-то хотелися? Я мигом!

– Чайку изволите, моя маленькая Вейра? – прищурила хитрые глазки экономка, звякнув чашечкой о блюде.

– Нет, нет, не сейчас. Бея, подай мне манти и палантин, я выйду в город.

– Одна? – ужаснулась тётушка Фридиль. – Как можно?

– Можно, – улыбнулась Вейра. – И нужно. Не беспокойтесь, ещё не слишком темно, а я поймаю извозчика.

– Моя милая!

Старушка встала, упершись ладонями в стол, и решительно сказала:

– Непозволительно молодой вильене ходить по городу без сопровождения. Бея, беги-ка со всех ног на угол, к мяснику, пусть сын его проводит нашу госпожу до места и потом домой отведёт.

– Тётушка Фридиль, я не нуждаюсь в сопровождающих, – твёрдо ответила Вейра. – Там, где я жила до покупки дома, меня научили защищаться.

– Это неприлично, неприлично в той же мере, как и ваша картина в салоне, – замахала руками старушка. – Милая моя, вы представляете себе, что о вас будут говорить?

Вейра не смогла удержаться от смеха. Творец, о ней и так говорят много всяческих вещей, только тётушка их не слышит, ибо не вхожа в мужские курильни! А мнение куриц-соседок и респектабельных матрон Вейру никогда особо не интересовало. Однако экономка способна сама одеться и тащить старые, раздутые ревматизмом ноги позади своей подопечной, а этого допустить никак нельзя. Хоть тётушка и в курсе, для чего именно поднимаются вверх ежедневные визитёры, в заведении матушки Бийль ей не место... А посему...

– Вам будет спокойнее, если я возьму с собой на прогулку Мил?

Тётушка снова всплеснула руками, и на её лице застыло выражение непомерного разочарования. Уж не желает ли старушка выдать замуж Вейру за сына мясника? Если это правда, надо держать ухо остро, иначе окажешься замужней мастерицей и будешь стоять всю жизнь за прилавком со свиными окороками и телячьими ножками...

– Значит, решено, – весело подытожила Вейра и продела руки в рукава поданного Беей дублёного манти из валеной шерсти, покрыла голову и плечи кроличьим палантином. Позвала:

– Мил! Пойдём гулять, бездельница!

Бея метнулась в коридор и притащила короткую толстую цепь. Её размера как раз хватало, чтобы рысь шла рядом с хозяйкой.

– Мил! – чуть повысила голос Вейра. Рысь неохотно показалась из салона. Видимо, снова валялась на диванчике, ушастая лентяйка. Вейра показала ей цепь, и Мил подошла с явным вздохом. Она любила охотиться по ночам, а не шагать чинно-мирно по улице. Но противиться воле Вейры рысь не могла. Поэтому подставила шею, прижав уши к голове. Вейра сделала из цепи удавку, пропустив один конец в первое кольцо, и накинула на Мил. Потрепала её по кисточкам на ушах:

– Ладно тебе дуться. Прогуляемся и вернёмся домой, а Бея достанет куропатку из ледника на ужин.

Снаружи было сумрачно и морозно. Снег, сугробами лежавший по обочинам дороги, наваленный под заборы и стены домов. Пятна от выплеснутых помоев заставили Вейру поморщиться и ступить на заметённую мостовую. Мимо проскрипели крестьянские сани, и усталая покорная лошадь походя дохла белым облаком пара. Вейра ловко отскочила, миновав и наёмную карету, запряжённую четвёркой гнедых, а потом снова вернулась на середину улицы. Вечер плавно опускался на окраину метрополии, на углу улицы показался фонарщик в тёмном плаще и ярко-оранжевом капоре. Седая борода его белой манишкой лежала на груди. Старик шёл медленно от фонаря к фонарю и, поднимая руку, выпускал из указательного пальца длинную искру, которая активировала свет. Вейра приветливо помахала ему:

– Покойного вечера, мастер Сноуден.

– Покойного вечера, вильена Эбенер, – фонарщик поклонился, сделав жест, как будто приподнял шляпу. – Прогуливаете рысь?

– Моцион полезен нам обоим, – улыбнулась Вейра.

– Надеюсь, она сможет вас защитить в случае чего, – серьёзно сказал старик. – Вы слышали о банде беглых крестьян, которые орудуют на окраинах метрополии? Жестокие и отчаянные люди, хочу я вам сказать, вильена.

– Вот как? Нет, это новость для меня, – озабоченно выдохнула Вейра. – Благодарю вас, мастер Сноуден, я буду предельно осторожна!

– Не гуляйте после заката, вильена, – поклонился фонарщик и неспешно пошёл к следующему столбу.

Вейра же ускорила шаг. Банда беглых крестьян – не шуточки. Год выдался голодным, то дожди, то ураганы, то засуха... Вейра знала не понаслышке, что такое неурожай и пустой желудок. Половину собранного со скудной земли отобрал барон на подати, ещё часть ушла в имперский налог, а дома дети скулят и хлеба просят. Вот крестьяне и бегут на большую дорогу, грабят и убивают. Небось, вен Ликс повстречал как раз их. Повезло, что до смерти не зашибли...

До квартала Свитель Вейра добралась без приключений. Впрочем, здесь она знала каждый дом, каждую выбоину на дороге, очень многих жителей и хозяев питейных заведений. Магические огни фривольной вывески мигали розовым и алым издали. Значит, матушка Бийль уже открыта, можно зайти с парадного входа.

Тяжёлая дверь, окованная железными полосами, открылась почти сразу, когда Вейра дёрнула за заиндевевший шнурок у входа. Толстая карлица с коротенькими ручками и ножками, одетая, как имперский страж, оскалилась в приветственной улыбке, покосившись на рысь:

– Вейра! Откуда ты взялась? Неужто снова решила работать у нас?

Её хриплый голос, словно карканье ворона, заставил Мил встопорщить уши и раздражённо зашипеть. Вейра положила ладонь на голову рыси:

– Тш-ш-ш, Мил, не буянь. Здравствуй, Вания. Нет, пришла повидаться и поговорить с Лирой. Она сегодня здесь?

– Где ж ей быть, старушке нашей! – засмеялась, будто закашлялась карлица. – Проходи, только зверюгу свою не спускай.

– Не бойся, она тебя не съест, – усмехнулась Вейра уже в коридорчике, снимая перчатки и палантин. Вания состроила угрюмую рожу, выразительно положив ладонь на рукоятку длинного кинжала:

– За неё бойся, не за меня.

В заведении матушки Бийль было светло от десятка толстых свечей, тепло от широкого камина, накурено хоть топор вешай. Хозяйка сама стояла за стойкой, протирая широкую кружку, а трубка торчала из уголка плотно сжатого рта. На широком диване расположились девушки, одетые весьма и весьма развязно. Ноги, оголённые по самые лодыжки, даже не обтянутые чулками, свободно распущенные волосы, корсеты, не прикрытые рубашками. Всё как всегда. Только лица меняются. Вейра приветственно кивнула им – некоторых она знала, некоторых видела впервые – и подошла к стойке, отпустила цепь и велела Мил:

– Ляг под стул и не двигайся.

– С каких это пор ты сюда приводишь животных? – буркнула матушка Бийль, жуя кончик трубки. – И вообще, какого конца ты припёрлась?

– И вам тоже доброго вечера, достопочтенная матушка, – улыбнулась Вейра, склонив голову набок. – Мне бы стаканчик тёмного эля и поговорить с Лирой.

– Ишь...

Матушка Бийль оглядела натёртую до блеска кружку на свет, достала из-под стойки пузатую бутылку размером чуть меньше её самой и плеснула щедро, с пеной, пахучего, тёмного, как мокрая почва, эля. Бухнула кружку по стойке перед Вейрой и, повернувшись, пару раз ударила кулаком в стенку:

– Лира! Выдь в зал!

Вейра спрятала усмешку в кружке, отхлебнув эль со вкусом солода и пряного хлеба. Десять лет она провела в этом заведении, и за десять лет матушка Бийль не постарела ни на йоту, не изменилась ни на крошку.

Зато Лира стала другой. Из кухни в зал выплыла настоящая вилья, правда, неподобающе одетая для знатной горожанки. Шапка светлых кудряшек давно исчезла, вместо волос на голове женщины сидел рыжий парик из крупных локонов, поднятых у висков и заколотых двумя крупными броскими шпильками. Напудренное по последней моде узкое лицо было бледным и усталым, а глаза горели нездоровым блеском. Лира давно болела, но знахарки не могли вылечить её. Однако в душе она осталась прежней.

– Кого я вижу! – грубовато, но с тёплыми нотками в голосе приветствовала она Вейру. – Моя маленькая шмакодявка! Решила всё же нас навестить, а я думала, ты стала заносчивой высокомерной госпожой, раз носа не кажешь!

– Лира...

Вейра вскочила с табурета, подбежала к старшей подруге и обняла её, пачкаясь в пудре.

– Ты уйдёшь и забудешь нас, никогда не вернёшься...

В словах Лиры сквозила горечь, и Вейра готова была расплакаться, но женщина вдруг рассмеялась и больно ткнула её острым кулачком в грудь:

– И правильно! Иди носом по ветру. Я знаю, что у тебя большое будущее! Сжигай мосты, не оглядывайся назад!

– Я никогда тебя не забуду, Лира... – всхлинула Вейра, ломая пальцы.

– Дура! – растроганно склонила голову набок женщина. – Дура и козьявка! Ну, иди ко мне, дубина упрямая...

В руках Леры было уютно и тепло. Десять лет она была маленькой Вейре мамой, сестрой, подругой. А теперь пришло время расставаться. Но не навсегда же! Этого Вейра не выдержит...

– Я всё равно буду приходить.

– Дура и есть, – ласково погладила её по голове блудница. – За это я тебя и люблю...

– Пошли в кухню, гостя дорогая, – ухмыльнулась Лира. – Вижу, пришла почирикать, бери с собой свою кружку и свою рысь вонючую, чтоб девок не пугала.

– Мил не вонючая! – возмутилась Вейра, подбирая цепь. – Она очень чистоplotная!

– Да мне всё равно, девчонка, – пожала плечами женщина, проходя мимо насупившейся матушки Бийль. Та пробурчала:

– Чирикайте, птички, да про работу не забывайте.

– С вами забудешь, – не осталась в долгу Лира, откинув тяжёлую занавесь, отделявшую кухню от зала. – Из гроба достанете и к клиенту за уши притащите!

Глава 5. Мастер Виджан, или Порочная страсть съедает сердце

Мил скользнула под колченогий стол, повинувшись взгляду Вейры. Лира тяжело опустилась на деревянное кресло и вытянула ноги к печке. Пожаловалась:

– Мёрзну я страшно... Хоть на угли залазь.

– Я пришлю тебе с посылным весландскую шаль, – стараясь не пропустить нотку жалости в голос, ответила Вейра, присела у стола и отхлебнула эля. Вытерла пену с губ. Лира хмыкнула:

– Засунь её себе знаешь в какую дырку...

– Твоё дело, носить или нет, а я пришлю.

– Упрямая дура. Ладно, говори, зачем притащилась, – буркнула Лира, прикрыв глаза.

– Вчера я нашла у себя на пороге полузамёрзшего мужчину, – коротко бросила Вейра. Сделала ещё глоток и добавила: – Он не помнит ничего, кроме своего имени.

– Тоже мне сюжет для приятного разговора, – Лира фыркнула, устраивая руки на подлокотниках. – Мужчины, мужчины... Всегда одни мужчины на уме у девушек.

– Его зовут Ликсено. Такое странное имя, правда?

– Как ты сказала? – мгновенно проснулась Лира, вперила в неё взгляд прищуренных глаз.

– Ликсено, – повторила Вейра. – Я думала, Ликс. Но он настаивает, вероятно, на полной форме.

Лира нахмурилась, прижала ладонь ко лбу. Забормотала:

– Ликсено, Ликсено... Что-то мне это имя напоминает... Я определённо его слышала совсем недавно... Чёрная Ведунья, когда ты хочешь наказать, то лишаешь человека памяти! Не помню!

– Прямо как мой ночной гость! – не удержалась от иронии Вейра. – Ничего, найдёшь, поймашь свою мысль. А пока скажи мне, отчего интуиция подсказывает мне, что никому нельзя говорить о вене Ликсе?

Лира поднялась с кресла, прошла по кухне, рассеянно согрела закопченный чайник касанием ладони и принялась заваривать любимый чай из коры. Потом со вздохом ответила:

– Ты должна, наконец, привыкнуть к своей интуиции. Радуйся, что изысканный вид магии подвластен деревенской замарашке, а ты, похоже, и сама в него не веришь! Раз подсказывает – значит, так и надо. Ликсено... Нет, я определённо встречала это имя. Буквально на днях.

Она вновь опустилась в кресло, и то жалобно скрипнуло под её погрузневшим телом. Острый приступ жалости пронзил Вейру. Лира всегда была сильной, самой сильной из тех людей, которых она знала. Проклятая болезнь! Как она меняет тело и душу... Может быть, Лира согласится жить с ней в качестве компаньонки? Комнату ей легко устроить на первом этаже под лестницей, рядом с печкой. Там сейчас Бея хранит запасы угля и дров, но их можно переместить в пристройку, где обычно держат лошадь. Ведь лошади у Вейры нет...

«Предложу. Но не сейчас, – решила она. – Обязательно предложу!»

Колокольчик пронзительно заголосил под потолком кухни. Точно такой же вторил ему из зала. Вейра встрепенулась, но лишь на миг. Теперь этот звук не означает для неё ровным счётом ничего. На её месте работают другие девушки, крестьянские дочери, сироты или бывшие нищенки. А Вейре можно сидеть на кухне и потягивать эль с почти уже забытым вкусом хмеля...

Зато Лира отставила свою чашку, поднялась и принялась поправлять локоны парика, смотрясь в маленькое, замызганное жиром и копотью зеркальце на стене:

– Интересно, кто сегодня первый пришёл... Знаешь, шмакодявка, в чём преимущество чужих волос на башке?

– В чём? – усмехнулась Вейра.

– В них не заводятся всякие поганые букарашки! – победно захохотала подруга и подошла к завесе, осторожно выглянула, но тут же отпрянула назад: – Вот бесы! Бездна его заberi! Всё, считай ночь пропала...

– Что такое? – подняла брови Вейра. Пропавшая ночь – это визит имперской полиции с самого открытия. Примета была верной, как весна с прилётом журавлей из-за моря.

– Смотри сама, – и Лира поманила пальцем, приглашая на свой наблюдательный пост. Но Вейра уже услышала знакомый голос. До боли знакомый...

– Ну-ка, ну-ка, птички мои! Подлетаем ко мне, готовим ладошки для проверки личности!

Хриловатый, низкий, вибрирующий голос. Вейра почувствовала, как задыхается, прижала руку к сердцу, глухо колотящемуся под корсетом... Воздух словно испарился из кухни, унёсся ввысь, и стало нечем дышать. В глазах потемнело, застучало в висках, и Вейра погрузилась во мрак...

Она сидела на тёмной балюстраде, прильнув щекой к выпуклой деревянной стойке, и смотрела вниз, в ярко освещённую залу. Там веселились вовсю. Лира и толстенькая Амиранда пытались пристроиться на коленях у клиента – невысокого черноволосого молодого мужчины с нашивкой имперской полиции на вороте. Одноглазая Эмилиная молча обнималась со своим постоянным кавалером: слишком юным для неё сыном местного торговца рыбой. Велена и Бокль обхаживали двоих мастеров в возрасте, которые краснели, смущались и переглядывались украдкой. А Вейре сверху всё было отлично видно. Звенели бокалы, пенился эль и муссат, девушки звонко смеялись, мужчины вторили басом. Даже вечная брюзга матушка Бийль улыбалась, не выпуская дымящей трубки изо рта, и что-то отвечала на шутки полицейского.

Вейра смотрела во все глаза. От неё не укрылась ни оголённая грудь Амиранды, ни загрузившая рука мастера на нежной коленке Бокль, ни взгляд рыбного наследника, которым он пожирал тело Эмилины. Заведение оказалось домом терпимости, но Вейра уже привыкла жить здесь. Её не гнали прочь, не слишком загружали работой, кормили почти до отвала. Даже эль позволяли пить. Ночные горшки и залепанные пятнами простыни, сопливые носовые платки, которые она усердно оттирала щёткой, не пугали и не вызывали отвращения. Главное – в «Птичках-невеличках» Вейра нашла подобие семьи и заботы. Здесь она была как все, а не приживалка, не девочка для битья...

Вспомнив свою прежнюю семью, кровную, Вейра на несколько минут выпала из жизни от обиды и боли. А над ухом внезапно хрипло протянули:

– А кто это тут у нас прячется?

Вейра вздрогнула и подняла взгляд. Тёмные глаза, цепкие и затягивающие, коротко стриженные чёрные волосы с вихрушками над высоким лбом, худое, не слишком привлекательное лицо. Полицейский! Смотрит. Губы кривит в усмешке. Какой страшный дядька! Точь-в-точь жуткий тролль, которым детей пугают в деревнях... Вейра оцепенела, как кролик перед змеей, не в силах пошевелиться, а мужчина протянул руку – быстро, резко – схватил за щёку:

– Да ты будешь настоящей жемчужиной среди этих девок! Я приду к тебе, дождись меня, птичка.

Всё внутри задрожало от его голоса, от мучительного страха, который полицейский внушал маленькой беглой девочке... К счастью, Лира капризным тоном протянула, будто пропела:

– Мастер Виджан, пойдёмте, славный вы наш! Она слишком мала! Зато есть мы с Амирандой!

– Развратница!

Он отвернулся от Вейры, звонко шлёпнув Лиру по заднице, потом притянул к себе толстушку Амиранду и, чуть покачиваясь на ходу, потащил обеих в комнату для утех. Вейра выдохнула, согнувшись пополам от жжения в лёгких, и чуть ли не ползком бросилась к себе, в каморку под лестницей на чердак. Там спряталась с головой под тонкое стёганое одеяло, пытаясь унять предательскую дрожь, и зазмурилась. Может, так образ и слова полицейского уйдут из памяти...

– А ну очнись!

Лицу стало мокро, и Вейра покрутила головой, спасаясь от ледяных брызг. Разлепила тяжёлые веки и плывущим взглядом увидела два лица над собой. Лира, с каменным спокойствием обтиравшая её щёки снегом, и полицейский, щуривший тёмные жгучие глаза.

– Уйди... – отмахнулась Вейра от видения. – Прочь...

– Ты гонишь меня? Меня? – раздул ноздри Виджан. – Девка, что ты себе позволяешь?

– Ах, оставьте меня, мастер Виджан, – слегка опомнившись, Вейра превратилась из маленькой напуганной замарашки в известную куртизанку, вытащила из складок юбки надутый платочек с вышитым вензелем и обтёрла мокрое лицо. Лира поддержала её за локоть:

– Ну ты учудила, шмакодявка! Чего в обморок бухаешься?

– Служанка слишком туго зашнуровала корсет, – поднимаясь, буркнула Вейра и взглянула прямо в глаза полицейскому. Они затягивали в свой водоворот, цепляли душу и не желали отпускать. Но Вейра стойко выдержала испытание и даже улыбнулась, хотя только Творец знал, чего ей это стоило.

– Вы арестуете меня, мастер Виджан?

Это прозвучало неожиданно кокетливо и игриво. Виджан отшатнулся, словно она ударила его по лицу, и процедил сквозь зубы:

– Не надо меня провоцировать! Там, – он кивнул на залу, – хватит добычи на сегодняшний день. А ты... Вы...

Он фыркнул, как собака под дождём, и махнул рукой. Отодвинул занавесь и, уже уходя, бросил:

– Лучше уходите отсюда, вильена Эбенер. Вам здесь не место.

– Вы приукрашиваете моё положение, мастер Виджан! – со злостью ответила ему Вейра, хотя он уже не слышал. – Я пока ещё не вильена, но скоро стану ею!

– Девочка, Творец с тобой, успокойся.

Ладонь Лиры легла на её плечо – тёплая, ласковая, надёжная. Вейра глубоко вздохнула несколько раз, прижав руки к животу. Проклятая дрожь и ярость медленно растворялись внутри, уступая место слабости. Вейра ощутила непреодолимое желание что-нибудь пнуть или разбить, но, за неимением ничего под рукой, набросилась на Мил, которая настороженно наблюдала за происходящим из-под стола:

– А ты! Охранница называется! Дрыхнешь, пока тут... Выгоню на все четыре стороны!

Рысь подняла брыли и издала нечто среднее между фырканием и шипением. Ха! Она ещё смеет огрызаться! Вот Пери не стерпела бы нахальства полицейского и вцепилась бы в его наглое лицо когтями.

– Он не желал тебе зла, всё только в твоей голове, Вейра.

Мягкий голос всегда такой жёсткой Лирой удивил и испугал. Вейра обернулась к подруге, пытливо заглянула в глаза:

– С тобой всё в порядке?

– Какая разница, – усмехнулась Лира. – Иди домой, пока он и правда не забрал тебя в участок.

– Я так и не знаю, что делать с незнакомцем, который лежит в комнате на втором этаже, – вздохнула Вейра, оправляя складки юбки. – Ведь по закону и логике надо было бы рассказать о

нём хотя бы мастеру Виджану или другому полицейскому чину... Но что-то во мне противится этому.

– Слушай свой внутренний голос, маленькая упрямая девчонка, – Лира выглянула за занавесь в залу. – Иди. Он забрал двух новеньких... Ох, матушке придётся их выкупить, если девчонки не смогут обслужить половину участка...

– Хорошее крещение, – покачала головой Вейра. – Ладно, я скоро навещу тебя, Лира. Постарайся не умереть до того!

Она обняла подругу, которая вяло воспротивилась этой нежности, и вышла вместе с рысью через заднюю дверь.

Чёрная закрытая повозка, запряжённая двумя хилыми клячами непонятного цвета, ещё стояла перед заведением. Матушка Бийль вышла на крыльцо, вертя в руках трубку, и бросила вслед спускавшемуся по ступенькам Виджану:

– Не слишком портите мне девчонок! За них плачено гаульденами!

– Да хоть золотыми империялами, – насмешливо фыркнул полицейский. – Они не имеют права приближаться к метрополии на две мили.

– Всё же поаккуратнее с ними...

Виджан подтянулся на сильных руках и сел рядом с возницей. Тот тронул повозку щелчком кнута. Лошади медленно потянули её по снегу в сторону следующего дома терпимости, чуть ниже по улице. Вейра поймала на себе пристальный взгляд и не удержалась – посмотрела на Виджана. Сердце снова замерло в груди, дыхание сбилось, и ей пришлось стиснуть пальцами мех капора у рта, чтобы полицейский не заметил болезненной гримасы, искажившей губы. Хотя, к чему тешить себя напрасными заблуждениями? Он заметил. Он замечал всё, этот странный, порочный и удивительно честный человек...

Дорога до дома заняла у Вейры на удивление мало времени. Возможно, она даже бежала, но заметила это, лишь пытаясь отдышаться в собственном салоне. Корсет жал, сдавливал, не давал воли, и Вейра сбросила мантию с палантинном на пол, взбежала по лестнице в свою комнату и принялась срывать платье, стараясь дотянуться до крючков на спине. Кое-как ей это удалось, как и развязать шнуровку корсета. Вейра отшвырнула тряпки к стене, оставшись в тонких кружевных панталончиках. Зеркало над туалетным столиком отразило её без прикрас. Юная, стройная, красивая... Пухлые груди с торчащими сосками, покатые плечи, созданные для декольте и воротника-пелерины, кукольные руки... Слёзы градом катились по щекам, и она не вытирала их. Пусть... Надоело! Надоело быть безотказной, милой, улыбчивой, утягивать талию в корсет, помадиться и пудриться! Всё только для того, чтобы мужчины, у которых есть лишних двадцать гаульденов, пользовались её телом для удовлетворения своих низменных инстинктов! Или того хуже...

– Ненавижу, – прошептала Вейра своему отражению, обняв плечи. – Ненавижу и всегда буду ненавидеть...

Шрамы от плётки затянулись давно. Остались только на спине, самые первые, дядюшкины... А на сердце все-все ещё открыты, кровоточат иногда, как сегодня, когда она снова увидела Виджана.

– Госпожа! – раздался снаружи стук и голос Беи. – Вы вернулись, госпожа?

– Да. Что тебе нужно?

Вейра очень старалась, чтобы голос не дрогнул – не хотела показывать, как рвётся сердце на кусочки. Бея ответила уже потише:

– Я сварилась курятины для... ну... гостя! И завтрашья мы с тётушкой Фридиль идёмся на рынок! Тама вама один достопочтенный вен передался свою карточку, написался, что обедаться будет у вас...

Обедать? Вейра вытерла ладонью глаза. Это, разумеется, вен Вюрстер. Вкусные изысканные блюда и фривольные разговоры за бокалом вина. Экономка займётся приготовлением

обеда, но вино Вейре придётся купить самой. Творец, вен Вюрстер платит вдвое больше вена Риули и не требует ничего, кроме безупречного внешнего вида, отменной сервировки и лёгких поцелуев в щёку. Что же, отлично. Быть может, ей удастся разузнать что-либо о Ликсено, имя необычное и редкое...

– Хорошо, Бея, можешь идти спать. Ты мне больше не нужна сегодня.

– А раздетися, госпожа?

– Сказала, иди спать.

За дверью удручённо вздохнули, раздался перестук пробковых подошв Беиных домашних туфель, скрип лестницы, и всё стихло. Вейра облизнула пересохшие губы, глядя на себя в зеркало, сжала ладонями груди, будто представила руки Виджана. Вздох вырвался из самой глубины души. Она ненавидит его... И хочет снова быть с ним, хоть раз, хоть ненадолго.

Белая Ведунья, помоги... Помоги забыть этого человека! Им не быть вместе, для него она всего лишь падшая женщина из тех, с кем забывают о законных жёнах. Ей даже жить с ним нельзя. Мастер Виджан стал заметным чином в имперской полиции, его разжалуют за сожительство с куртизанкой... Будущего нет, только воспоминания о прошлом. Правильно Лира сказала: она, Вейра, просто убогая дура.

Умывшись перед сном, расстелила свежую постель. Разобрала причёску, отпустив локоны на волю, провела расчёской пятьдесят раз по волосам. Натянула на тело ночную сорочку из тончайшего вессландского батиста, отороченную широкими кружевами. Легла под стёганое одеяло и закрыла глаза. Она не будет думать. Она просто уснёт. Не стоит мечтать и строить планы, чем больше планов, тем больше вероятность, что они не сбудутся. Всё произойдёт, как того захотят Творец, Воин и Ведунья. Она, маленькая Вейра, не властна над судьбой. А раз так, то и мысли вон... Надо сходить в храм, принести Ведунье подарок, задобрить её, чтобы замолвила словечко перед сыновьями. Да, завтра после винной лавки и сходит...

...Где-то на заднем дворе кукарекал петух. Голосил что есть силы, возвещая рассвет. Вейра с трудом разлепила глаза, потёрла их кулаками и потянулась. Надо вставать, растопить печь, повыносить из комнат горшки, собрать недокуренные сигариллы и грязную посуду внизу, в общем, приниматься за утреннюю уборку... Она надела старое, поношенное платье, отданное Лирой, поверх ночной сорочки, у которой на подоле было два неоттираемых даже магией пятна, и тихонько, на цыпочках, вышла из каморки.

Запах вчерашнего веселья, как и всегда по утрам, превратился в смрад: тяжёлую смесь эля, пепла, пота, благовоний и духов. Вейра спустилась по лестнице, стараясь не наступать на скрипевшие ступеньки, и принялась двигать засаленные, пропитанные дымом от трубок портьеры. Изо всех сил дёргая за ржавые щеколды, распахнула все окна в зале, с наслаждением вдохнула свежесть летнего утра. Постояла минутку, чтобы окончательно проснуться, и снова потащилась наверх.

Все сознательные девушки, которые не были слишком пьяны вечером, уже выставили свои прикрытые крышками разномастные горшки за двери. Только у Лиры перед комнатой было пусто. Вейра осторожно открыла дверь и вошла в темноту. Двигалась наощупь, потому что знала расположение мебели. На кровати, свернувшись в клубок, похрапывала Лира, а рядом лежал, вытянувшись во весь рост, руки под голову, мужчина. Ох незадача! Только бы не разбудить! Обычно клиенты на ночь не остаются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.